

«Это конец Британской империи!»: Сингапур в период японской оккупации 1942—1945 гг.

Ангелина Дмитриевна Морева,
соискатель кафедры всеобщей истории
Калужского государственного универ-
ситета им. К.Э. Циолковского, Калуга.
E-mail: ang-moreva@yandex.ru

В статье на основе мемуаров Ли Куан Ю и других источников анализируется восприятие населением Сингапура японской оккупации в 1942—1945 гг. Автор акцентирует внимание на малоизвестных фактах преступлений японского милитаризма, а также доказывает, что война не затормозила развитие города-государства.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Сингапур, У. Черчилль, японская оккупация, мемуары премьер-министра Ли Куан Ю.

“That’s the end of the British Empire!” Singapore during the Japanese occupation in the years 1942—1945.

Angelina Moreva, an applicant in the General History Department of Kaluga State University named after K. Tsiolkovskiy, Kaluga.

The article researches Singapore dwellers’ perception of the Japanese occupation in 1942—1945 based on Lee Kuan Yew’s recollections and some other sources. The author focuses on the little known facts of crime by the Japanese militarism and also proves that the war could not slow down the city-state’s development.

Key words: World War II, Singapore, W. Churchill, the Japanese occupation, the prime minister’s Lee Kuan Yew recollections.

Более столетия Сингапур, который называли «гордостью британской Короны на Востоке», был её опорой в Юго-Восточной Азии. В 1938 г. правительство Соединённого Королевства закончило создание в городе военной базы, считавшейся неприступной крепостью и являвшейся основой системы обороны британских владений в этой части земного шара.

Однако в годы Второй мировой войны Сингапур практически без боя был сдан японцам, которые «потребовали и добились безоговорочной капитуляции» [5, с. 52]. В военной истории Великобритании этот день — 15 февраля 1942 г. — получил название «Чёрное воскресенье». Лёгкость, с которой Япония захватила город, нанесла сокрушительный удар по британскому престижу в Азии. Слишком важную роль для англичан играл Сингапур, и слишком много средств было вложено в строительство во-

енный базы. Неожиданное и молниеносное нападение грозило самыми тяжёлыми последствиями для всей Британской империи.

До сих пор все публикации, посвящённые японской оккупации города, рассматривают драму только со стороны двух её участников — Великобритании и Японии. Тяжёлое положение многонационального населения Сингапура и его повседневная жизнь в годы войны обычно оказываются вне поля зрения исследователей. Восполнить этот пробел помогают воспоминания непосредственных свидетелей, переживших все ужасы оккупации 1942—1945 гг.

Это время стало рубежом в жизни будущего премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю, который управлял городом-государством с 1965 по 1990 г.¹ и смог «понять поведение людей и человеческих обществ, их побуждения и импульсы» [8, с. 74]. Ему не удалось стереть из своей памяти страшные три с половиной года оккупации, и уже тогда он решил, что будущее Сингапура будет связано с превращением его в небольшое, но самостоятельное государство со строжайшим порядком и дисциплиной. В дальнейшем все идеи, родившиеся в годы войны, Ли Куан Ю воплотил в жизнь, создав одно из самых не только экономически развитых, но и «запретных» государств в мире.

Малоизвестные события японской оккупации Сингапура (пережитые тогда ещё никому не известным молодым человеком, ставшим впоследствии лидером нации и политиком с мировым именем) важны также в качестве исторического свидетельства преступлений японского милитаризма. О них умалчивают современные зарубежные политики, стремящиеся фальсифицировать трагические эпизоды Второй мировой войны.

К причинам падения Сингапура следует отнести то, что армия генерала Персиваля, несмотря на превосходство в численности, была смешанной (19 тыс. англичан, 15 тыс. австралийцев, 37 тыс. индийцев и 17 тыс. малайцев), хуже оснащённой и слабо подготовленной. В то время как у японского генерала Ямаситы (на него возлагалась задача захвата Малайи и Сингапура) имелось 211 танков (у англичан в этом регионе не было ни одного) и 560 самолётов (это почти в четыре раза превышало число английских машин) [2, с. 111].

Ошибкой было недопущение мысли, что линейные корабли «Принс оф-Уэлс» и «Рипалс» могут быть потоплены японской авиацией, что в результате и предредило судьбу Сингапура [2, с. 112—113]. Генерал-майор

---

¹ Ли Куан Ю родился в Сингапуре в 1923 г. Представитель третьего поколения китайских эмигрантов из провинции Гуандун. Окончил Кембриджский университет, по образованию юрист. С 1959 г. во главе Партии народного действия руководил первым правительством самоуправляющегося Сингапура (с 1965 г. — независимого Сингапура). С 1990 г. — старший министр кабинета, с 2004 г. — министр-наставник правительства.

Гордон Беннетт, командующий 8-й австралийской дивизией, одной из основных ошибок английского командования назвал «жёсткую привязку действий к учебнику тактических приёмов» [13]. По мнению Б. Лиддел Гарта, неспособность отразить удар японской армии не была основной причиной капитуляции, ставшей следствием длинной цепи ошибок и просчётов. Строительство базы велось крайне медленно, её снабдили крупнокалиберной артиллерией, но не авиацией: в итоге противник нанёс удар не с той стороны, куда были направлены орудия, а с тыла — из труднопроходимых джунглей Малайи. Таким образом, японцы захватили Малайю за 54 дня. Их общие потери составили около 4600 чел., в то время как англичане потеряли примерно 25 тыс. чел. (преимущественно пленными) и большое количество техники [2, с. 114—115].

Когда началась Вторая мировая война, Ли Куан Ю было всего 16 лет. С 1940 г. он учился в «Раффлз Колледже» и жил в студенческом общежитии. Из его воспоминаний следует, что ночью 8 декабря 1941 г. в городе впервые раздались взрывы авиабомб. Ли Куан Ю в это время спал, и для него, как и для всех остальных, налёт оказался полной неожиданностью: «никто к этому не был готов» [8, с. 44]. Студенты немедленно стали уезжать домой. Лекции были приостановлены, многие учащиеся Колледжа, в числе которых был и Ли Куан Ю, вступили во «Вспомогательную медицинскую службу» (MAS).

Журналист, находившийся в эти дни в Сингапуре, писал: «Сегодня утром со своего балкона я увидел завесу из дыма, которая висела над всем северо-востоком острова. Я не знаю, что горит, но дыма много. Слышен звук тяжёлой артиллерии, глухой звук бомб и устойчивый гул авиационных двигателей, но самолёты, должно быть, летают в дыму, потому что мы их не видим» [12].

Китайцы, стараясь не выделяться, целыми семьями стали переезжать в дома друзей и родственников или уплывали из Сингапура, опасаясь мести со стороны японцев за помощь британцам или Южно-Китайскому фонду Чан Кайши. В январе японские войска приблизились к Джохору, а их самолёты начали бомбить Сингапур всерьёз, днём и ночью. Одна из бомб упала вблизи от полицейского участка, убив несколько человек. Для юного Ли Куан Ю, впервые увидевшего раненых и мёртвых, это стало пугающим зрелищем [8, с. 44].

31 января в 8 часов утра жители Сингапура были потрясены страшным взрывом. Уже тогда Ли Куан Ю понял: «Это — конец Британской империи» [8, с. 45]. По словам молодого человека, японцами был взорван трубопровод, доставлявший воду из Джохора до острова, где располагался сам город. Таким образом, мемуары Ли Куан Ю позволяют дополнить и исправить официальный материал британской военной истории, утверждающий, что трубопровод был взорван единожды и это произошло 15 февраля 1942 г. [2, с. 114; 1, с. 46—52].

Примечателен и другой случай, приключившийся с Ли Куан Ю в эти трагические дни: он ехал на велосипеде домой и увидел военные грузовики, которые окружили австралийские солдаты, выглядевшие испуганно. «Я остановился, — продолжает он, — чтобы спросить, как близко фронт. Один из солдат сказал: „Всё кончено, сейчас возьмите это“, — и предложил мне оружие. Я был поражён и поколеблен. Неужели всё было настолько безнадёжным? Я отказался от оружия и попробовал успокоить его, говоря, что никакое сражение не может быть потеряно, пока оно не закончено. Но для той австралийской группы сражение уже было проиграно...» [8, с. 46]. Как выяснилось позже, солдаты прибыли в Сингапур за 3 недели до падения. Они оказались в тропических джунглях, где сражались с японцами. «Это была трагедия для них и бедствие для британцев и индийских отрядов, которым они, как предполагалось, помогали» [8, с. 46].

Но, несмотря на происходящие в городе события, население всё ещё надеялось, что «крепость Сингапур устоит». Надежды рухнули, когда предприятиям был отдан приказ об эвакуации и закрылись школы. Как только обстрел приблизился к городской черте, семья Ли Куан Ю переехала к его деду. Но сам юноша остался следить за родительским домом и продолжил исполнять свои обязанности в колледже. Отец и мать Ли Куан Ю построили возле дома врытую деревянную конструкцию, засыпанную землёй, куда были помещены «рис, соль, перец, соевый соус, солёная рыба, консервы, сгущённое молоко и всё, что могло потребоваться в период оккупации» [8, с. 47].

«В это время, — отмечал в своих мемуарах У. Черчилль, — приступили к осуществлению программы организованного разрушения. Орудия постоянных оборонительных сооружений и почти все полевые и зенитные орудия были уничтожены вместе с секретным снаряжением и документами. Весь авиационный бензин и авиационные бомбы были сожжены или взорваны. Некоторое замешательство возникло в связи с разрушениями на военно-морской базе. Были отданы соответствующие приказы, плавучий док был потоплен, а кессон и насосные механизмы сухого дока разрушены, но многое другое, предусмотренное общим планом, осталось невыполненным» [5, с. 51].

Наступил самый страшный день в истории Сингапура — 15 февраля 1942 г. — а ведь для его жителей это был Лунный Новый год, когда обычно устраивается праздничный фестиваль. Ещё 14 февраля по английскому времени Черчилль получил от губернатора колонии Стрейтс-Сеттлментс сообщение, полное отчаяния и безысходности: «Командующий сообщил мне, что город Сингапур теперь осаждён со всех сторон. Миллион человек находится на территории радиусом три мили. Система водоснабжения сильно повреждена и вряд ли сможет действовать больше 24 часов. На улицах валяется множество трупов, и хоронить их нет

возможности. Мы под угрозой полностью лишиться воды, что, несомненно, приведёт к возникновению чумы. Считаю своим долгом сообщить об этом командующему» [5, с. 51].

С этого момента, как вспоминает Ли Куан Ю, начался грабёж города. Английские магазины сначала обворовывались самими жителями, считавшими свою добычу законной. Японцы, ворвавшиеся в город, тоже не отставали: «За первые несколько дней любой на улице с авторучкой или наручными часами был бы скоро ограблен...» [8, с. 50].

Грабёж складов британских владельцев казался сингапурцам концом эры; рушилось представление об англичанах как «больших боссах», сложившееся у местных жителей ещё со времён школьной скамьи. «Белые оказались более испуганными, чем азиаты, и не знали, что делать. Азиаты смотрели на них как на лидеров, а они не оправдали этого... история их борьбы ради спасения своей шкуры привела к тому, что азиаты увидели, как англичане эгоистичны и трусливы» [8, с. 52—53].

Тем не менее, как только установилась власть японцев, оккупанты продемонстрировали, что они более жестоки и несправедливы, чем прежние хозяева Сингапура. «Азиаты были полны разочарования, но потом и сами японцы стыдились быть идентифицированы со своими коллегами-азиатами, которых они считали расово неполноценными, представителями низшего уровня цивилизации» [8, с. 53].

Ли Куан Ю так описывает свою первую встречу с захватчиками: «Я носил широкополую шляпу, потерянную австралийскими солдатами. Один японский солдат залаял: «Kare! Kare!» — и подозвал меня. Когда я подошёл, он толкнул штыком своей винтовки мою шляпу и толкнул меня так, что я упал на колени. Затем поставил свою ногу мне на грудь... и заставил возвратиться домой той дорогой, которой я пришёл. Я отделался лёгким испугом, но были и другие, которые не были знакомы с новыми правилами этикета и не поклонялись японским часовым на перекрёстках и мостах, в результате стояли на коленях в течение нескольких часов на солнце, держа в руках тяжёлый валун над головой» [8, с. 53]. Другой очевидец тех страшных дней писал: «Слово, которое мы боялись больше всего — „сюда“. Если ты слышал, как японец кричит „сюда“, то это предвещало беду. Оно указывало на нетерпение часового. Что-то было не так. В зависимости от прихоти и фантазии дежурного обычным наказанием были одна или две пощёчины» [14, с. 100].

Необходимо подчеркнуть, что в результате британской пропаганды, исходившей в первую очередь из английских фильмов, в Сингапуре ещё до начала оккупации сложилось своеобразное и неправдоподобное представление о японцах. В первые дни налётов показывали кинокомедию, в одной из сцен которой бомба вместо взрыва лишь смешно «хлопнула». Так у сингапурского населения сложилось представление о японцах как кривоногих, косоглазых и неспособных к стрельбе. Прозрение было

страшным: «Несчастливая правда состояла в том, что в течение двух месяцев японцы доказали, что они имели смелость, силу и военные навыки, чтобы достичь впечатляющих успехов против британских войск» [8, с. 47]. Те, кто видел японских солдат, не могли забыть их почти бесчеловечного отношения к смерти в бою. «Они не боялись умереть. Они были страшными врагами и им необходимо так мало, чтобы продолжать идти — жестяная тара на поясе с рисом, соевыми бобами и солёной рыбой. Обычным явлением для японских солдат было идти в штыки на открытых полях» [8, с. 59].

Пленники, которых японцы водили по улицам, «выглядели унылыми, подавленными и растерянными от того, что были побиты так решительно и так легко» [8, с. 55]. Среди них были шотландцы, которые «даже при поражении держались прямо и шли ровно», гуркхи, марширующие непрерывно и отважно, подавленные австралийцы. Было видно, что индийские войска удручены и деморализованы, «должно быть, они чувствовали, что это не их борьба». Местный житель Маурис Бэкер вспоминал: «Каждый заключённый нёс мотыгу через плечо и выглядел истощённым, щёки ввалились, глаза безучастны, загорелая красная кожа накинута на выступающие рёбра. Их называли «ходячими скелетами» [6, с. 145].

Грабившие город японцы добрались до дома Ли Куан Ю и находились там три дня — «три дня ада». Юноша называл этот визит «началом кошмара»: «Они бродили по всему дому. Они искали пищу и нашли место, где моя мать хранила запасы, и стали готовить пищу на открытом огне. Я не мог с ними общаться на одном языке. Они высказывали свои пожелания знаками и издавали гортанные звуки. Когда я, наконец, понимал, что они хотели, я получал удары. Это были странные существа, небритые и нечёсанные, говорившие уродливым, агрессивным языком» [8, с. 54].

Но зверства только начинались. Оккупационные власти приняли решение выявить и ликвидировать «антияпонские элементы» китайской общины. Под это определение подпадали китайцы-участники обороны Малайского полуострова и Сингапура, бывшие служащие британской администрации и даже простые граждане, сделавшие в своё время пожертвования в фонд помощи Китаю. В расстрельные списки включались также люди, чья вина заключалась лишь в том, что они родились в Китае. Эта операция получила в китайской литературе название «Сук Чинг» ('стереть из', 'чистка'). «Внушающие страх сотрудники японской полиции „Kempeitai“ ходили от дома к дому, чтобы забрать китайцев в концентрационные центры, в которые были согнаны женщины, дети и старики» [8, с. 57]. Через специальные фильтрационные пункты прошли все проживавшие в Сингапуре китайские мужчины в возрасте от 18 до 50 лет. Зарегистрировавшись, китайцы получали штамп на теле в виде иероглифа со значением 'рассматривается'. Тех же, кто, по мнению японцев, мог представлять угрозу, вывозили на грузовиках за пределы населённых

пунктов и расстреливали из пулемётов. Ли Куан Ю уверен, что это было мстью, реализуемой не в пылу сражения, а когда Сингапур уже сдался. «Даже после этого в рамках „Сук Чинг“ осуществлялись зачистки в сельских районах, особенно в восточной части Сингапура, и более сотни китайцев были казнены. Все они были молодыми и крепкими люди, которые могли оказаться опасными» [8, с. 58].

Генерал-майор Кавамура Сабуро сообщал, что общее количество погибших в Сингапуре с 18 по 22 февраля 1942 г. составило 5 тыс. чел. [8]. По данным японцев, за три дня было убито 6 тыс. китайцев. Власти Сингапура, эксгумировав массовые захоронения, стали настаивать на 50—100 тыс. убитых [8, с. 58].

В 1944 г. через японскую тюрьму прошёл Лим Ким Сан, в 1963 г. ставший членом кабинета министров. По его описанию, каждая камера представляла собой маленькую клетушку для 30 человек — мужчин и женщин. Сидеть разрешалось только в определённой позе, изменить положение позволяла только охрана из местных коллаборационистов, «которых завербовали и научили быть жестокими» [8, с. 80]. В камеру могли заключить человека со сломанными руками и ногами, и в лучшем случае его предоставляли самому себе, в противном же — издевались, заставляли перемещаться ползком, били палками. Одна из пыток заключалась в том, что человека поили водой, и, когда его желудок наполнялся, японец начинал прыгать на животе заключённого до тех пор, пока тот не терял сознание. «Однажды привели пожилого индийца со сломанной ногой. Он не мог сидеть и мог двигаться только в положении лёжа, волоча больную ногу вперёд. Один из молодых гунро (охранников) бросил палку, и искалеченный индиец потащил себя, чтобы принести палку и вернуть её гунро. Это повторялось, пока несчастный не потерял сознания от боли» [8, с. 82].

В оккупированном Сингапуре в японские концлагеря как подданные Британской короны попадали представители самых разных национальностей, в частности армяне, также погибавшие от тяжёлых условий содержания. Армянская община Сингапура так и не смогла оправиться от потерь, понесённых во время войны [3].

Сам Ли Куан Ю привлёк внимание «Kempeitai» в 1944 г. [8, с. 70]. Он почувствовал, что за ним следят: «день и ночь команда находилась на хвосте». Если в тёмное время суток мимо дома проезжал автомобиль, юного Ли Куан Ю охватывал страх при мысли, что приехали за ним. «Люди, живущие неподалёку [от здания полиции], сообщали, как они слышали вопли жертв. Это устраивалось с расчётом заполнить сердца людей страхом (их опасения распространялись из уст в уста), чтобы терроризировать местных жителей: запуганное население было легче контролировать». Однако через несколько недель слежка прекратилась столь же неожиданно, как и началась.

В своих воспоминаниях Ли Куан Ю задаётся вопросом, что же сделало японцев такими жестокими, и приходит к выводу: прежде всего это систематическая идеологическая обработка — культ поклонения императору, уверенность их в «расовом превосходстве как избранных людей, которые могли завоевать всех. Они были убеждены, что умереть в сражении за императора подразумевало вознесение к небесам и перевоплощение в богов» [8, с. 60].

Одним из примеров жестокости японских оккупантов может послужить рассказ Ли Куан Ю об отрубленной голове китайца, служившей подтверждением суровых правил поведения в городе. «Этого человека обезглавили, потому что он был пойман за грабежи, и любой, преступивший закон, мог быть наказан таким же образом» [8, с. 60]. Такие серьёзные наказания сделали преступления очень редкими. «В разгар лишений после второй половины 1944 г., когда народ голодал, это было удивительным. Люди могли оставить свои двери открытыми ночью». Это послужило уроком для будущего премьер-министра, который, поняв, что мягкий подход к преступлению невозможен, впоследствии создал из Сингапура идеальное государство «запретов» с одним из самых низких в мире уровней преступности.

Для своего досуга японцы организовали в захваченном городе публичные дома, в которых содержались похищенные ими корейские, китайские, голландские и филиппинские женщины. «Это было удивительное зрелище: сто или двести человек, ожидавшие своей очереди» [8, с. 58]. Ли Куан Ю подтверждает, что «японское командование признало сексуальные потребности мужчин и предусмотрело всё для них. Как следствие, изнасилования были не частыми» [8, с. 59]. В первые две недели после завоевания народ Сингапура опасался, что японская армия будет в «диком веселье». Хотя изнасилования и имели место, но в основном в сельской местности, и, к счастью для мирного населения, не было ничего подобного той трагедии, что произошла в Нанкине в 1937 г.

С конца 1943 г. продуктов питания в Сингапуре стало меньше. Японцы потеряли контроль над океанами, и даже Таиланд, традиционный экспортёр риса, не доставлял его в город. Основу рациона мирного населения составляли кукуруза, просо, овощи, картофель, тапиока, приготовленная на кокосовом молоке. «Мясо стало роскошью. Было немного говядины и баранины. Свинину было купить проще, также мы могли разводить у себя кур, но их нечем было кормить». На продовольствии легко строили бизнес. Так, мать Ли Куан Ю стала готовить выпечку на продажу. «Пшеничная мука и сливочное масло вскоре стали недоступны, поэтому она использовала тапиоку вместо муки, рисовую муку, саго муки, кокосовое молоко и пальмовый сахар. Она также делала сгущёнку из свежего молока» [8, с. 65]. Привычными стали зрелище «мёртвых или раненых людей, орды голодающих беженцев на тротуарах» [6, с. 145].

В дефиците оказалось почти всё. «Машины исчезли, за исключением тех, которые использовались военными и важными японскими гражданскими лицами. Несколько местных жителей, которые имели свои автомобили, не могли добыть бензин для них. Такси были приспособлены для работы на угле и дровах. Все импортируемые товары стали драгоценными. Спиртные напитки также пользовались большим спросом и хранились у богатых спекулянтов и японских офицеров» [8, с. 65].

В это время Ли Куан Ю стал учить один из китайских диалектов, так как английский не имел никакой ценности для новых правителей. Юноше казалось это лучшим, чем изучение японского: «по крайней мере, это был мой родной язык, а завоевателя я ненавидел» [8, с. 61]. Однако вскоре возникли трудности, и, чтобы выжить и суметь заработать деньги, Ли Куан Ю записался в японскую языковую школу. «Это был трёхмесячный курс. Студенты разных возрастов и способностей из средних школ, из колледжей, молодые работники» [8, с. 62]. Освоив язык, юноша смог работать в японской компании клерком, получая зарплату в «бананах» — оккупационной валюте с изображением кокосового ореха и банановых деревьев, выпускаемой японскими военными. Эти «банановые деньги» не имели серийных номеров, и их стоимость понижалась с каждым днём. Наиболее востребованной в тот период оказалась натуральная оплата труда рисом, сахаром, маслом и сигаретами.

В 1943 г. Ли Куан Ю занял должность англоязычного редактора в информационно-пропагандистском департаменте оккупантов, где ему приходилось редактировать новости с фронтов войны. Такая работа имела серьёзные последствия: «За эти часы голова наполнялась новостями, в которых сообщалось о неудачах японцев, немцев и итальянцев», — рассказывать об этом посторонним было рискованно [8, с. 64].

Однако возросшая инфляция заставила Ли Куан Ю превратиться в дельца на чёрном рынке, процветавшем в эти страшные годы: «Существовала оживлённая торговля всё уменьшающимися запасами британских лекарств, довоенными запасами, которые были припрятаны, самыми ценными из которых были сульфаниламиды. Другими выгодными товарами были духи, виски Johnnie Walker и коньяк Hennessy, британские сигареты в герметически закрытых банках, ювелирные изделия и валюта Straits Settlements». Здесь важными оказались знакомства, например с богатыми семьями, которые продавали свои драгоценности и недвижимость из-за нехватки пищи [8, с. 66]. Ли Куан Ю уверен, что ключ к выживанию лежал в импровизации. Так, работу на чёрном рынке в течение полугода он совмещал с производством канцелярской резинки, которое приносило хорошую прибыль, а затем занялся строительным бизнесом.

Постепенно, с началом неудач на фронтах тихоокеанской войны, японцы предприняли определённые шаги с целью расширения социальной опоры на завоёванных территориях. Началась пропаганда создания

«великой восточно-азиатской сферы сопроцветания» и конца «белого» колониализма, которая была рассчитана главным образом на националистические чувства индийцев и малайцев. Так, используя антианглийские настроения индийского населения, японская военная администрация оказала содействие в создании в Сингапуре Лиги индийской независимости и Индийской национальной армии. Во главе их встал Субхас Чандра Бос, в прошлом видный деятель Индийского национального конгресса. В Сингапуре (город превратился в центр сотрудничавшего с Японией индийского националистического движения) обосновалось сформированное этим лидером «Временное правительство свободной Индии», которое объявило войну Англии и США [1, с. 82].

Однако, несмотря на все меры японских захватчиков, сопротивление населения Сингапура усиливалось. В 1943 г. партизанские отряды стали ядром Антияпонской армии народов Малайи (ААНМ), которая опиралась на поддержку массовой организации — Антияпонского союза. Борьба против общего врага объединила в рядах Союза и ААНМ представителей разных классов и национальностей, что обусловило силу и размах движения. Один из участников сопротивления — лейтенант Исмаил бин Баба (Lt. Ismail bin Baba) — вспоминал, что с началом оккупации ему пришлось работать на японцев в департаменте топлива. Тем не менее в 1944 г. он установил связи с Китайским сопротивлением в джунглях и передавал информацию о передвижениях японцев. А как только узнал, что англичанам в джунглях нужна подмога, отправился в Кедах и был назначен командиром взвода и направлен к границе с Сиамом [9].

Уже с 1944 г. японцы стали сдавать свои позиции. Германия терпела неудачи, а в августе 1945 г. прогремели ядерные взрывы в городах Хиросима и Нагасаки. Освобождение Сингапура оставалась вопросом времени.

В мае 1945 г. в секретных документах малайские лидеры писали: «Британский образ жизни в корне противоречит японскому. Возвращение Великобритании будет означать возвращение свободы и прогресса, под эгидой британцев Малайя найдёт пути для дальнейшего развития» [10].

15 августа 1945 г. японский император объявил о капитуляции. В Сингапуре «несколько японцев не смогли принять эту новость и предпочитали совершать харакири — в японском стиле с кинжалом или, что менее болезненно, с револьвером» [8, с. 73]. Но в течение трёх недель не было никаких признаков возвращения британцев. «Это было неестественное положение» — начался так называемый «период междуцарствия», когда управление городом взяли в свои руки антияпонские группы: «они линчевали, убивали или избивали доносчиков, палачей, мучителей и сообщников, подозреваемых в помощи Японии» [8, с. 78]. Но всё же сведение счётов, по мнению Ли Куан Ю, было неполным: «Справедливость и правосудие требовали документации и сложных расследований. Не удалось собрать ресурсы, чтобы каждый виновный заплатил по заслугам.

Нескольких наказали, но большинство осталось на свободе». Главные японские преступники избежали расплаты. Генерал Ямасита, «Малайский тигр», был осуждён и повешен в Маниле «за бессмысленное разграбление города, а не за убийство от пятидесяти до ста тысяч невинных молодых людей в Сингапуре» [8, с. 79].

Как вспоминает Ли Куан Ю, в течение 50 лет большинство лидеров всех японских политических партий «не хотели говорить об этих военных преступлениях. В отличие от немцев, они надеялись, что со временем обо всём забудут. Только в 1992 г. премьер-министр Морихиро Хозокоа принёс извинения» [8, с. 82].

Английские войска высадились на острове 5 сентября 1945 г., и лишь 12 сентября в Сингапуре был подписан акт о капитуляции японского гарнизона [5, с. 44—46]. Об этих событиях в мемуарах Ли Куан Ю сообщается в самых восторженных чувствах: «Это был момент великого волнения. Все кошмары японской оккупации закончились, и люди вспоминали хорошее время, к которому хотели вернуться. В течение первых нескольких недель царило ликование. Люди были искренне счастливы и приглашали британцев назад» [8, с. 85].

Однако эйфория прошла достаточно быстро, ход событий был уже predetermined. Местное население не забыло, что японцы сделали с Сингапуром по милости английской короны. С этого времени в городе усилился рост национального самосознания, наметился подъём демократического антиколониального движения. «Потеряв ореол волшебства, белый человек утратил и свою власть. Сознание его уязвимости разжигало и стимулировало развернувшуюся в Азии в послевоенный период борьбу против европейского господства и вмешательства» [2, с. 117], — подводит итог Лиддел Гарт.

Сейчас в Сингапуре имеется несколько мемориальных комплексов, отражающих общее единение народа в период трагических событий оккупации 1942—1945 гг. Один посвящён погибшим горожанам: четыре одинаковые колонны высотой 92,5 м каждая символизируют совместную борьбу жителей Сингапура четырёх основных рас — китайцев, малайцев, индусов и других — против оккупантов. Другой мемориал жертв войны сооружён в память граждан Британии, Австралии, Канады, Шри-Ланки, Индии, Малайи, Нидерландов и Новой Зеландии, которые в годы Второй мировой войны отдали свои жизни за свободу Сингапура. Также этот комплекс символизирует единство трёх родов войск: авиации, армии и флота.

Годы оккупации оставили кровавый след в истории Сингапура. Город был переименован в Сенан, что в переводе с японского значит 'свет юга', превратился в тюрьму для военнопленных из Европы и Австралии. Сами сингапурцы жили в постоянном страхе перед японской полицией «Кемрейти», влача полуголодное существование. Малайю

и Сингапур атаковали 60 тыс. японских солдат и взяли в плен более чем 130 тыс. британских, индийских и австралийских войск (самая крупная сдача в плен в истории британской армии). К потерям Сингапура относят 80 тыс. мирных жителей, то есть 11% населения, которое в 1939 г. составляло 727 600 чел. [11].

Таким образом, война стала ударом для Британской колониальной империи и ускорила приобретение независимости как Сингапуром, так и другими странами Юго-Восточной Азии. Сингапур, пережив ужасы японской оккупации, избежал серьёзных разрушений, поэтому Вторая мировая война не затормозила его поступательного экономического развития и позволила укрепиться китайской буржуазии, обеспечившей экономический рывок. Помимо этого, война заставила Британское правительство ещё больше акцентировать внимание на развитии Сингапура как главной военно-морской базы в регионе, что также поспособствовало развитию города, в дальнейшем ставшем не только независимым, но и экономически успешным государством.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Дридзо А.Д., Кочнев В.И., Семашко И.М. Индийцы и пакистанцы за рубежом. М., 1978. 256 с.
2. Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М., 2003. 944 с.
3. Райт Надя. Именитые граждане: история армян Сингапура и Малайзии // MECENAT-AND-WORLD.RU: «Меценат и мир»: лит.-худ. и культурологич. журнал. URL: <http://www.mecenas-and-world.ru/aragast/4-aragast/rite.htm> (дата обращения: 26.02.2013).
4. Сингапур. Справочник. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1988. 206 с.
5. Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 4. М., 1998. 384 с.
6. Baker Maurice. A time of fireflies and wild guavas. Singapore, 1999. 119 p.
7. Hayashi Hirofumi. Japanese Treatment of Chinese Prisoners, 1931—1945. URL: <http://www.geocities.jp/hhhirofumi/eng01.htm> (дата обращения: 27.02.2013).
8. Lee Kuan Yew. The Singapore Story. Memoirs of Lee Kuan Yew. Singapore, N.Y.L, Prentice Hall, 1998. 680 p.
9. MAJ Ismail Babu's War Diary. National archives of Singapore. URL: http://www.s1942.org.sg/s1942/dir_defence8.htm#documents (дата обращения: 26.02.2013).
10. Malaya. Plan of political warfare for Malaya. National archives of Singapore. URL: http://www.s1942.org.sg/s1942/dir_defence8.htm#documents (дата обращения: 26.02.2013).
11. Rummel R.J. Statistics of Democide: Genocide and Mass Murder Since 1900. Charlottesville, Virginia, 1997.
12. The Sydney Morning Herald. Peril of Singapore Grows Hourly Grave; Imperial Forces Fall Back Again; Japanese Pouring in Reinforcements. National archives of Singapore. URL: http://www.s1942.org.sg/s1942/dir_defence8.htm#documents (дата обращения: 26.02.2013).
13. The Sydney Morning Herald. The Inside Story of Why Singapore Fell. 4 September 1944. National archives of Singapore. URL: http://www.s1942.org.sg/s1942/dir_defence8.htm#documents (дата обращения: 26.02.2013).
14. Thio Chan Bee. Extraordinary adventures of an ordinary man. London, 1977. 125 p.